

*Медведи – отнюдь не при-
рожденные рыболовы.
Чтобы научиться этому,
медвежатам нужно года
два подражать всем
движениям матери.*

ХОЗЯИН КАМЧАТКИ

*Наверное, у каждого народа в России
сложился свой культ медведя.*

*И Камчатку – край, где живут самые
большие бурые медведи, – давно нужно
признать медвежьим святилищем*

После шести месяцев поста, следуя по стопам своих предков, медведи собираются в райском саду под названием Курильское озеро. Именно сюда по реке Озерной, чтобы произвести потомство и погибнуть, замкнув свой жизненный цикл, ежегодно возвращается нерка.

Мне не нравится Камчатка. Я люблю снимать на этом полуострове, больше похожем на отдельный материк, хотя к фотографам-профессионалам я бы себя причислять не стал. Я живу фотографией, но не зарабатываю этим делом. Нередко мне говорят, что я – охотник, а потому не имею права фотографировать зверей.

Так уж получилось, что впервые камчатского медведя я увидел через перекрестье оптического прицела. И мне нелегко было сменить одну «оптику» на другую. Но это моя история, которой я не стыжусь. Теперь я знаю, что сделать удачный снимок медведя в тысячу раз сложнее, чем добыть охотничий трофей, многим на зависть. А насколько трудно поймать в объектив медведицу с медвежатами, застать сцену схватки или снять прыжок медведя за неркой!

Однако мне понадобились годы, чтобы научиться снимать этого зверя. Неудивительно, что путешествуя на Камчатку, я провел 435 часов в самолете, преодолев 480 тысяч километров. И сегодня с уверенностью могу сказать: я уже никогда не смогу выстрелить в это великолепное животное. Когда вышел мой альбом «Медведь», я стал получать письма от других охотников, которые пережили подобное моему превращению: многие отмечали, что эта книга перевернула их представления о медведе, они перестали воспринимать этого зверя как желанную добычу, а некоторые бросили охоту и купили фотоаппарат. Наверное, лучшее в охоте с фотокамерой – то, что инстинкт охотника удовлетворяется без необходимости убивать.

Когда я по-новому заинтересовался медведем, судьба снова привела меня на Камчатку, в южную часть этого края, где плотность медвежьего населения признана самой высокой в мире. Там я познакомился с сотрудником Камчатского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Алексеем Масловым и напросился к нему на озеро Курильское у подножия вулкана Ильинская Сопка, где властвует камчатский медведь. Алексей не только является признанным исследователем тихоокеанских лососей, но многие годы

наблюдает и за другими животными. Без него я бы не смог близко сойтись с медведем.

ПРОСТРАНСТВО ЗВЕРЯ Сейчас на Камчатке насчитывается порядка 15,5–16,5 тысячи медведей. Как и все звери, они ведут скрытный образ жизни – а может, и самый уединенный, не зря ведь появилось выражение «медвежий угол». Первое время я снимал медведей целыми днями, в итоге получались картинки из серии «ну смотрите, вот и медведь». Чтобы добиться достойного результата, нужно буквально жить с медведями, причем к каждому надо искать особый подход. Помогает обстановка, в которой приходится снимать. Погода, освещенность, ландшафт, растительность – все это позволяет на ходу придумывать и выстраивать мизансцены. Каждый медведь в поисках добычи обычно обследует одни и те же уголья. А если он начал в каком-то месте трапезу, то непременно вернется туда же. Вот я и подчалил как-то раз лодку рядом с тропой, где ходил один приметный медведь, а затем день за днем пододвигал ее все ближе и ближе. И когда настал подходящий момент, не покидая лодки (какая-никакая страховка!), опустил руки с камерой за борт и снял его портрет крупным планом.

Меня часто спрашивают: боюсь ли я медведей? Конечно. И наверное, боюсь больше, чем человек, никогда не встречавшийся с косолапым в его угольях. Ведь чем ближе я узнавал этих мохнатых гигантов, тем отчетливее понимал: остерегаться нужно всегда.

Поведение медведей разительно отличается от поведения других крупных хищников, скажем львов или леопардов: предсказать его невозможно. Из одного состояния в другое медведь переходит мгновенно.

Я года три наблюдал за одной медведицей. И неожиданно она стала приводить медвежат и оставлять их неподалеку, а сама уходила рыбачить. Когда наступало время кормить потомство, она спокойно ложилась метрах в двух от меня, и медвежата пристраивались сосать молоко. Возможно, она опасалась взрослых самцов, во множестве бродивших вокруг, — они запросто могли съесть медвежат.

ЗАПОВЕДНАЯ КАМЧАТКА

В 1996 году «Вулканы Камчатки» были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, куда вносят только уникальные территории Земли. Общая площадь этого природного объекта, расширенная в 2001 году, составляет 3,7 миллиона гектаров и включает шесть отдельных участков. К ним принадлежит и Южно-Камчатский федеральный заказник, охватывающий озеро Курильское, которое облюбовала одна из самых крупных популяций бурого медведя в мире.

Медвежьи дети выбирают из берлоги уже мохнатыми и шустрými, правда, еще очень несамостоятельными. Они даже не способны следовать за матерью, и медведица не отходит далеко от берлоги, пока они не наберутся сил и не окрепнут. Однако наступает момент, когда мать больше не может бороться с чувством голода. Она отправляется за добычей, и семье приходится покинуть спасительное убежище: медвежата начинают постигать искусство выживания.

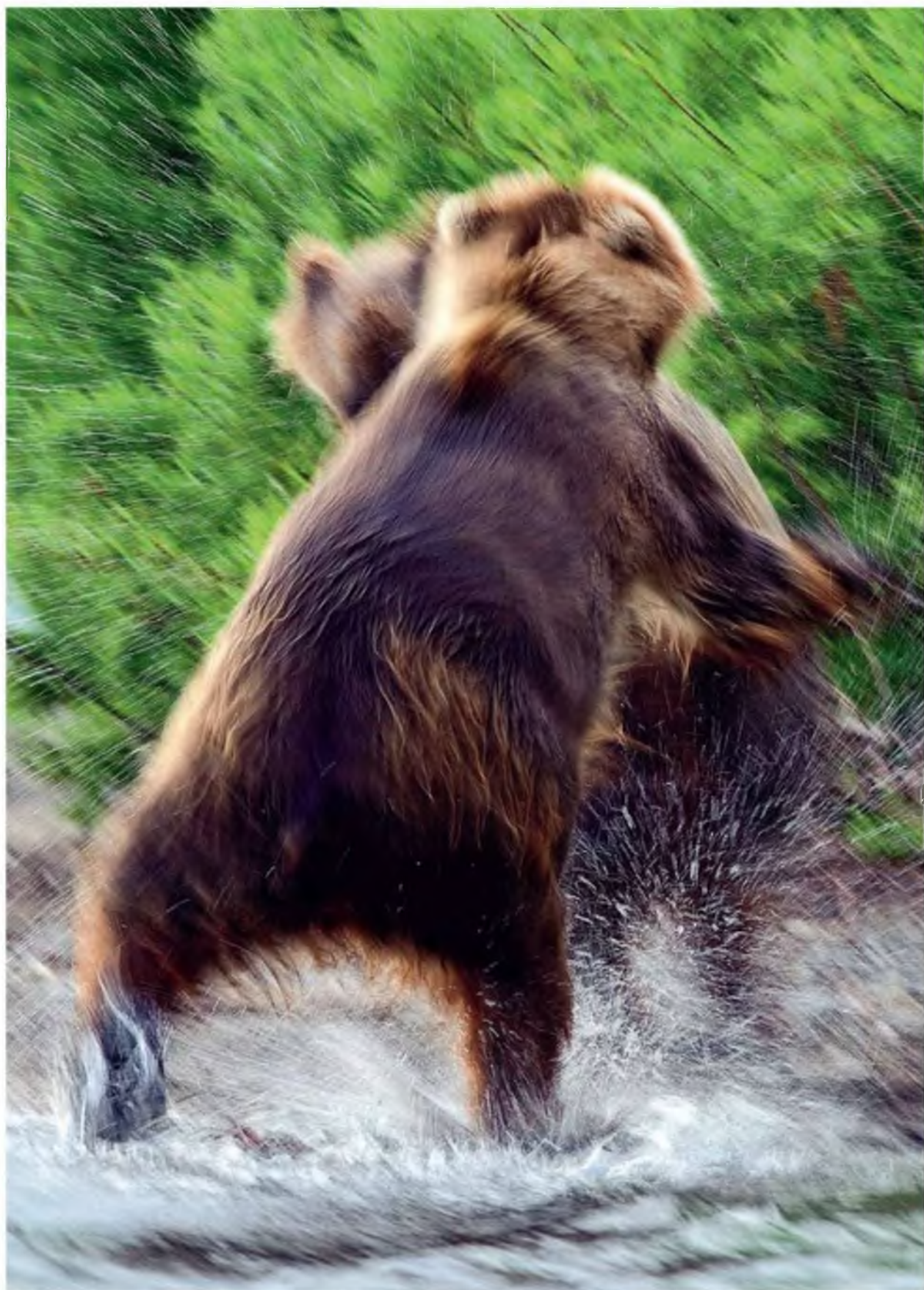
С медведем всегда нужно быть начеку (вверху). Особенно когда он отвоевал в борьбе с соперниками охотничьи или рыбацкие угодья. Даже игривые медвежата небезопасны (справа): остерегаться нужно медведицу, пекущуюся об отпрысках.

Всех хищников объединяет один закон – универсальный: чтобы жить, нужно убивать и есть. Медведь здесь не исключение. А ведь это зверь колоссальной силы и выносливости, мгновенной реакции, превосходно скоординированных движений. У него острые слух и обоняние. Он может завалить жертву одним ударом лапы, зубами разгрызть любую кость, когтями свернуть валун. Он способен лазать по почти отвесным скалам, часами сидеть в ледяной воде. И во всем этом он намного превосходит любого человека. Из всего этого следует вывод, сделанный биологом Михаилом Кречмаром: «Если медведь захочет вас съесть, он обязательно это сделает». А Кречмар более двадцати лет изучал этого зверя в природе...

Потому, отправляясь на съемку, я беру с собой не только фотоаппараты, но и охранника с

оружием для страховки. Он не раз спасал меня, но ни одно животное, как принято указывать в титрах кинофильмов, во время съемок не пострадало.

За годы работы я выработал для себя правила общения с опасным хищником. Я никогда не прячусь от медведя. Он обязательно должен знать о моем присутствии – неожиданное появление человека может спровоцировать зверя на атаку. У каждого топтыгина есть свое личное пространство: у одного 50 метров, у другого – два. Границу они никогда не нарушают сами, но не позволяют преступить и мне. Любое покушение, даже непреднамеренное, на чужую территорию у большинства медведей вызывает ярость или испуг, который тоже может перерасти в агрессию. Потому я сплавляюсь к заранее облюбованному месту съемки на лодке или

подхожу пешком, сажусь и даю возможность медведю ко мне привыкнуть. Во всяком случае, я себе это так представляю. Что представляет медведь – не знаю. Никогда не маскируюсь и не прячусь, зверь должен уяснить, что он здесь не один. И тогда рано или поздно он сам проявит интерес: начнет приближаться, рассматривать, принохиваться. А если не захочет позировать, его все равно не заставишь, как ни пытайся.

Самое сложное – найти съёмочного медведя, то есть такого, который не скроется сразу из виду и не будет проявлять к моей персоне сугубо звериный интерес. Однажды в течение пяти часов я наблюдал 96 разных особей, и лишь один из них позволил себя снимать. С дистанционным спуском фотографировать косолапого сложно: больно он любопытный. (Ученые, к слову, отмечают у медведей необыкновенно высокий для хищников уровень рассудочной деятельности.) Как-то медвежонок взял мой аппарат за антенну *Wi-Fi*-передатчика и понес. Я прикрикнул на него, мишка испугался, бросил игрушку и убежал. Но стало понятно, что такой способ съемки не пройдет.

Наверное, многие фотографы, снимающие природу, согласятся, что медведи – это самые прекрасные и интересные животные в мире. Недаром люди со всего света стремятся на Камчатку, чтобы увидеть живого медведя. Я люблю вновь и вновь, в разное время года возвращаться в эти места. Ведь события в животном мире каждый сезон происходят разные, что помогает раскрыть атмосферу места и показать его красоту. А накопившиеся за годы снимки представляют весь необычный жизненный цикл медведя.

МЕДВЕЖЬИ СНЕЖИНКИ Зимой на Камчатке снега не много, а слишком много. Все-таки

Подводная фотогалерея медведей пока не очень обширна. И наверное, не скоро пополнится. Ведь зверь воспринимает любой движущийся в воде более мелкий, чем он сам, предмет как потенциальную добычу.

сказывается влажное дыхание океана. А когда океан не столько Тихий, сколько Великий, дышит зимой, то и снежинки начинают падать величиной с кулак или с медвежьей лапу. Впрочем, для фотографа это не препятствие, а великолепная декорация. Жалко только, медведей в зимнем кадре не запечатлеть. Хотя часто можно встретить шатуна, я бы предпочел обойти его стороной.

С началом снегопадов медведи начинают искать себе берлоги. Берлога – это мир, который видели немногие. Уже в самом названии медвежьего логова скрывается тайна. Бер-лога. Последняя часть слова звучит вполне по-русски. А первая напоминает о полуполюгендарных скандинавских воинах-берсерках, то ли обладавших нечеловеческой силой, то ли оборачивавшихся медведями во время битвы. Да и вообще «бер» – слово, застрявшее в русском языке с тех пор, когда русы (варяги) и славяне еще не были единым целым. Позднее «бера» – подлинного хозяина земли русской, чтобы не накликал беды, предпочитали именовать иносказательно: «медведь», «хозяин», «топтыгин».

Лишь в слове «берлога» он остался «бером», поскольку и само логово почиталось как место потаенное, куда уж точно ходить не надо. Да не один медведь, пока он не уснул, к месту своей зимовки и не подпустит. Либо убьет преследователя (а такое случалось даже со знатоками медвежьей жизни), либо запутает следы и убежит, бросив уже облюбованное место. Знает, что спящий он почти беспомощен. Ведь зимняя спячка – это не сон в нашем обыденном понимании, а совершенно иное состояние организма.

По-научному – гибернация (может быть, тоже от слова «бер»?). А вообще – одно из чудес природы: на целых полгода у медведя температура тела падает на три-пять градусов, почти в два раза замедляются ритмы сердца. Зверь не ест, не пьет и не ходит под себя – его организм довольствуется запасами жира, нагулянными летом и осенью, и за время спячки он теряет до 40 процентов массы.

А самое удивительное – у медведицы именно в этот период ускоряется развитие плода.

Большую часть года медведи избегали друг друга, и только на время пушины они собираются вместе, 200–400 особей (говорят, и больше бывает). И пока это происходит, Камчатка остается подлинной страной медведей.

Зачатый еще в мае–июне, медвежонок появляется на свет восемь месяцев спустя, в январе–феврале. Он весит не более полукилограмма, в семь раз меньше, чем средний новорожденный ребенок. Медвежонок мал и беспомощен. Впрочем, и здесь природа поступила мудро: крошечным зверенышам молока нужно совсем немного.

ПРОБУЖДЕНИЕ На Камчатке иногда сложно понять: это еще зима или уже весна? В конце марта начинают просыпаться медведи, но лишь единицы. Массовый выход этих животных приходится на конец апреля – начало мая, когда солнце уже хорошо прогревает землю. В первую очередь из берлог выбираются крупные самцы и одинокие самки, потом молодняк; самки с молодыми медвежатами выходят последними. Время пробуждения зависит от массы медведя: чем он здоровее, тем раньше покинет логово. Самым слабым проснуться вовсе не суждено.

Покинув берлоги, камчатские великаны спускаются с сопки на берега многочисленных рек и озер. Там они раскапывают в снегу лососей, замерзшие тушки которых остались лежать с последнего нереста. Но еды мало, и звери вынуждены отправляться в дальний путь к берегам Тихого океана или Охотского моря, чтобы там найти хоть что-нибудь съедобное. По весне в пищу годятся даже мелкие морские животные, а если очень повезет – туши погибших зимой тюленей, каланов, даже китов.

Хотя медведи и относятся к отряду хищных, больше половины их рациона составляют орехи, травы, коренья, ягоды. Как только сходит снег, они перебираются на солнечные склоны сопки, где рано пробивается зелень, и, подобно коровам, пасутся, поедая траву и выкапывая сочные коренья; в урожайный год медведи остаются в горах и питаются вытаявшими из-под снега орехами кедрового стланика. Весной же самцы начинают подыскивать себе подругу, чтобы выполнить свою единственную отцовскую обязанность – зачать медвежонка...

Половина медвежат в этом, одном из самых суровых мест на земле, погибает на первом го-

ду жизни – от бескормицы или в зубах взрослых самцов. Самцы убивают и самок, отважившихся защищать свое потомство.

Обычно медвежата остаются с медведицей до ее следующей беременности, то есть около двух с половиной лет. Отлученные от матери молодые медведи еще несколько месяцев продолжают играть и кормиться вместе. В играх молодняк усваивает уроки нападения и защиты, подражает схваткам взрослых медведей. Так развиваются навыки, необходимые для выживания. Подрастая, мишки обособляются, и большую часть времени взрослые животные проводят в одиночестве.

РЫБНЫЕ ДНИ Лето на Камчатке начинается в июле, когда наконец растает почти весь снег, и сопки надевают зеленый наряд. Камчатское лето – это пора самых больших в России медведей и самое сытное для них время года.

Вместе с летним паводком приходит лосось, и вся жизнь сосредотачивается на нерестовых реках и озерах. Несколько видов лосося нерестится в разное время и в разных реках. И все медвежье, и не только, население Южной Камчатки кочует вслед за косяками рыбы.

Самое обширное в Азии нерестилище лосося – настоящий подарок для медведей – находится на Курильском озере. И медведи буквально пасутся на косяках нерки. Они нагуливают вес (бывает, что и рекордный – до 700 килограммов), только для того чтобы во второй половине года опять выдержать длительный и изнурительный пост.

Одни медведи поджидают добычу, забравшись в воду. Другие бродят по самой кромке берега. Многие звери ловят рыбу, находясь всего в нескольких десятках метров друг от друга, и порой сходятся почти нос к носу. Но прежде чем пристроиться на реке, медведю нужно занять свой клочок нерестилища. Не подумайте, что каждый рыбачит там, где хочет: все места распределены. Матерые самцы стараются своим фактом своего постоянного присутствия удерживать за собой уловистые места. Самки с молодняком и молодые самцы вынуждены держаться в стороне.

Этот портрет, как и многие другие, сделан без технических ухищрений. Просто медведь попался спокойный и, главное, сытый. Впрочем, это совсем не значит, что он всегда будет встречать фотографа как покладистая фотомодель.

Медведица ловит рыбу только для себя, а медвежата довольствуются обедками – мать их кормить не станет. Столкновения обычно улаживаются психологическим противостоянием: кто покажется крупнее и грознее, тот и получит право на самую рыбную отмель. До настоящих драк, как во время гона, дело почти не доходит, но только благодаря невероятному количеству рыбы.

Нерки так много, что рыбацкий азарт не проходит у медведей даже тогда, когда они наелись. Первое время они съедают рыбу полностью, потом их интересуют только питательная жирная кожа, мозги, икра, и они наслаждаются этими деликатесами, без которых им трудно будет пережить зиму. А остатки достаются птицам – иначе бы пернатые до подобного лакомства не добрались. Медвежатам нужно года

два, чтобы научиться узнавать изгибы ручьев и рек, находить заветные места, где отдыхает нерка, затвердить приемы ловли, даже есть рыбу и то надо освоить.

К концу лета медведи все реже выходят к рекам одновременно. В их рационе значительное место начинают занимать уже поспевшая жимолость, шикша (сибирская водяника), голубика, клюква, грибы.

К летней теме медвежьей рыбалки я возвращался снова и снова на протяжении нескольких лет, для того чтобы быть уверенным, что охватил ее полностью, но, похоже, до конца ее исчерпать невозможно, так же как и нерку в Курильском озере.

ОСЕНЬ ПАТРИАРХОВ Осень – переходный период, все живое готовится к длинной зиме.

Яркая короткая камчатская осень дарует медведям последнюю возможность досыта наесться перед долгим зимним сном.

По красоте и разнообразию сюжетов для съемки осенняя Камчатка просто не имеет себе равных. Осень здесь скоротечна, но сильно растянута по долготе – можно начать съемку в начале сентября на севере и закончить в середине октября на юге. Солнце все меньше ласкает землю Камчатки, и скоро медведи вновь разбредутся по своим берлогам.

ПОПРОБУЕМ ВЛЕЗТЬ В МЕДВЕЖЬЮ ШКУРУ
Камчатка пока еще остается страной медведей, и, возможно, именно здесь будет решаться будущее русского исполина. Относительно высокая численность камчатских медведей не должна настраивать на благодушный лад. Опыт прошедших лет говорит о том, что мы хорошо умеем убивать медведей, но вот жить с ними еще не научились.

В 2005 году мне довелось снимать на реке, где собиралось несколько десятков особей. Я днями мог сидеть на берегу и наблюдать за медвежьей жизнью. Они не тревожили меня; я, надеюсь, не мешал им. Полный прежних впечатлений, год спустя я вернулся на то же место, чтобы продолжить работу. Но мечта, которая всю зиму жила в моих мыслях, не суждено было сбыться: лишь дряхлый самец одиноко сидел на камне... А где остальные? Я не верил своим глазам. Позже мне рассказали, что здесь сложилась целая подпольная индустрия по промыслу медвежьей желчи, и бесконтрольная охота почти опустошила эти места. Я уезжал с чувством стыда и бессилия, понимая, что больше никогда здесь не соберется так много медведей – их просто нет. Сегодня в Южно-Камчатском заказнике ведется усиленная охрана этой территории, пресечено множество попыток незаконной добычи животных.

На Камчатском полуострове растет поток туристов. Люди едут посмотреть Долину гейзеров, вулканы. И все мечтают увидеть живого медведя, за что готовы заплатить. Приезжают и охотники, которые хотят застрелить этого зверя. Но если хорошенько подсчитать, то получается, что каждый живой медведь способен обогатить Камчатскую область гораздо больше, чем убитый. □